

ИЗ ИСТОРИИ ПОЛИТИКИ ЦАРИЗМА  
В ХОЛОПЬЕМ ВОПРОСЕ В КОНЦЕ XVI ВЕКА

(Поменщики — владельцы кабальных холопов)

Первое в законодательстве упоминание о кабальных людях имеется, как известно, в Судебнике 1550 г. (ст. 78 и 81). Однако вплоть до Уложения 1597 г. о холопстве основные законодательные мероприятия царского правительства по кабальному холопству были предприняты не в целях установления какого-то определенного правового статуса этого института и не служили для регулирования отношений между кабальным и господином на срок действия кабальной зависимости, а имели в виду либо оградить от закабаления определенные категории кабальных людей, либо разрешить частные вопросы, либо укрепить владельческие права кабаловладельцев. Поэтому кабальное холопство регулировалось пока нормами, относящимися к более широкой социальной группе, а именно к старым видам холопства.<sup>1</sup>

Вместе с тем вторая половина XVI в. явилась периодом интенсивного нарастания количества закабалений. Вполне естественно, что количественный рост кабального холопства следует поставить в прямую связь с увеличением его социальной значимости. Это нашло отражение прежде всего в том, что центральные власти стали уделять кабальному холопству все возрастающее внимание. Судьба кабального холопства, его развитие и трансформация начинают все в большей степени зависеть от правительственной политики, т. е., говоря конкретно, от законодательной практики царизма.

Особенно характерным в данной связи является уложение 1597 г. о холопстве. Уложением 1597 г. о холопстве правительство царя Федора Ивановича преследовало цель провести всеобъемлющую регламентацию института холопства во всех его формах (полное, докладное, старинное, кабальное, добровольное). При этом уложение являлось носителем тенденции к изживанию

<sup>1</sup> См.: В. М. Панеях. Из истории кабального холопства в XVI в. В кн.: Вопросы экономики и классовых отношений в Русском государстве XII—XVII веков. Тр. ЛОИИ, вып. 2, М.—Л., 1960, стр. 101—128.

холопской формы зависимости. Отмеченная тенденция находила проявление как в лишении кабального холопства основных признаков холопства вообще (введением службы кабального человека до смерти господина, означавшей отмену наследования права владения и отмену права распоряжения кабальным человеком), так и в стремлении затормозить рост других форм холопства, стимулировав развитие именно кабального холопства в уже преобразованном виде.

И хотя правительство стремилось ограничить старые виды холопства, оно все же действовало крайне осторожно и оставило в неприкосновенности права холоповладельцев на документально оформленных полных и докладных холопов. Для стимулирования развития кабальной формы зависимости в ущерб документально оформленному полному и докладному холопству оно лишь решилось подтвердить одно из прежних своих постановлений (возможно, указ 1586 г.) об изъятии из компетенции местных властей права выдавать полные и докладные грамоты посредством передачи этого права Приказу холопьяго суда в Москве.

Более решительно действовали составители уложения в вопросе о документально не оформленных холопах. Все без исключения добровольные и документально не оформленные старинные холопы, прослужившие к 1597—1598 гг. не менее полугодя, переводились в течение определенного, весьма краткого срока в категорию кабальных людей. Холоповладельцам разрешалось и впредь переводить добровольных и документально не оформленных старинных холопов, полугодовая служба которых истекла после 1597—1598 гг., в категорию кабальных холопов — лишь бы было доказано, что истек установленный законом срок (шесть месяцев).<sup>2</sup>

Причины возрастания количественной и социальной значимости кабального холопства и того предпочтения, которое стало отдавать этой форме зависимости по сравнению со старыми видами холопства царское правительство, следует искать в разных сферах. В частности, представляет существенный интерес выяснение социального лица, социального положения и в некоторых случаях социального происхождения кабаловладельцев. Это может оказать помощь в оценке ряда внутрисполитических мероприятий властей, особенно в области их законодательной деятельности в холопьем вопросе.

Однако до работы А. И. Яковлева<sup>3</sup> данная проблема не являлась предметом специального анализа. Правда, еще Г. В. Плеханов связал имевший место в XVI в. протест некоторых поме-

<sup>2</sup> Подробно об уложении 1597 г. см.: В. М. Панеях. Уложение 1597 г. о холопстве. Исторические записки, т. 77, 1965, стр. 154—189.

<sup>3</sup> А. И. Яковлев. Холопство и холопы в Московском государстве XVII в., т. I. М.—Л., 1943.

щиков против кабального холопства с тем, что система закабаления применялась в «крупных вотчинах».<sup>4</sup>

Такая характеристика вотчинников как крупнейших кабаловладельцев не получила подтверждения в исторических исследованиях. Б. Д. Греков, например, указав на людей среднего достатка из числа служилых людей, заинтересованных в новых работниках, здесь же подчеркнул, что дело было не только в служилых людях и, следовательно, не только в деревенских работниках, а и в городских («и пожалуй, в городских больше, чем в деревенских, поскольку город очень пуждался в рабочей силе и, не располагая крестьянским трудом, имел более ограниченный людской контингент, из которого он мог черпать себе работников».<sup>5</sup> И. И. Смирнов, анализируя ст. 78 Судебника 1550 г., отметил, что круг лиц — владельцев кабальных людей — обнимал «не только основные группировки землевладельцев» («князи, бояре и дети боярские»), но и «всяких людей», «под которыми можно подразумевать прежде всего торговые верхи посада».<sup>6</sup>

Впрочем, и мнение о служилых людях как о лицах, являвшихся владельцами кабальных людей, и выдвижение других социальных слоев, заинтересованных, возможно, в развитии кабального холопства, были основаны на косвенных данных, без попыток провести поименный анализ социальной принадлежности закабалителей.

Лишь А. И. Яковлев был единственным исследователем, который для выяснения социальной принадлежности кабаловладельцев предпринял попытку сопоставить показания кабальных книг с показаниями книг писцовых.<sup>7</sup> На этом пути А. И. Яковлеву удалось сделать ряд интересных наблюдений, но все же в целом его попытка лишена необходимой конкретности. Дело в том, что среди сохранившихся кабальных книг нет ни одной, относящейся к периоду до 1591 г., а среди опубликованных писцовых книг (которыми А. И. Яковлев пользовался) нет ни одной, относящейся к периоду после 1576 г. Записных же книг старых крепостей А. И. Яковлев с этой целью не использовал.

В данной работе мы предприняли попытку сопоставить материалы главным образом новгородских, а также и псковских писцовых книг с новгородскими записными книгами старых крепостей и на основе такого сопоставления конкретизировать наше представление о социальной принадлежности владельцев кабальных холопов. Возможность этого определяется тем, что в запис-

<sup>4</sup> Г. В. Плеханов. История русской общественной мысли, т. I. М., 1914, стр. 155—156.

<sup>5</sup> Б. Д. Греков. Крестьяне на Руси, кн. II. М., 1954, стр. 114.

<sup>6</sup> И. И. Смирнов. Судебник 1550 года. Исторические записки, 1947, т. 24, стр. 333—335.

<sup>7</sup> А. И. Яковлев. Холопство и холопы в Московском государстве XVII в., т. I, стр. 80 и сл.

ные книги старых крепостей, ведшиеся в Новгороде в декабре 1597—январе 1598 г., вносились в порядке экстренной перерегистрации старые холопы крепости (в том числе принадлежавшие и псковским холоповладельцам), которые сохранились, таким образом, в указанных книгах за всю вторую половину XVI в.<sup>8</sup>

\* \* \*

Как было отмечено выше, новгородские записные книги старых крепостей позволяют предпринять попытку выяснения социальной принадлежности кабаловладельцев. Укажем в этой связи, что в одной из них, фиксирующей крепостные акты, которые принадлежали псковичам,<sup>9</sup> имеются сведения о социальной принадлежности подавляющего большинства кабаловладельцев. Всего в данной записной книге были перерегистрированы служилые кабалы 36 кабаловладельцев, из коих 28 названы псковскими помещиками, 1 — слугой Велико-Путынского монастыря, 1 — псковским подьячим, 1 — ивангородским стрелецким сотником. Эти сведения могут быть проверены в некоторых случаях показаниями псковских писцовых книг.

Так, ивангородский стрелецкий сотник Федор Арапов Аминев,<sup>10</sup> предъявивший 1 кабалу, имел в г. Опочке землю и осадное место, причем его земля описывалась вместе с владениями детей боярских и городских приказчиков.<sup>11</sup> В качестве псковских помещиков фигурируют в писцовой книге также и следующие лица: Федор Гордеевич Бороздин<sup>12</sup> (предъявил 5 кабал),<sup>13</sup> Иван Константинович Вышеславцов<sup>14</sup> (предъявил 5 кабал),<sup>15</sup> Иван Никифорович Вышеславцов<sup>16</sup> (предъявил 25 кабал),<sup>17</sup> Ермолай Григорьевич Евлашков<sup>18</sup> (предъявил 12 кабал),<sup>19</sup> Григорий

<sup>8</sup> О записных книгах старых крепостей см.: Е. И. Каменцева. Записные книги крепостям дьяка Дмитрия Алябьева. Тр. МГИИИ, т. II, 1946, стр. 79—98; В. М. Панях. 1) Новгородская записная книга старых крепостей 1598 г. (Опыт реконструкции). История СССР, № 1, 1960, стр. 175—181; 2) О классификации и составе кабалных и записных книг старых крепостей XVI века. Археографич. ежегодн. за 1962 г., М., 1962, стр. 397—402; 3) Записные книги старых крепостей конца XVI в. Проблемы источниковедения, т. XI, М., 1963, стр. 346—363.

<sup>9</sup> ЦГАДА, ф. 1144 (Новгородская приказная изба), кн. 7/5.

<sup>10</sup> ЦГАДА, ф. 1144, кн. 7/5, лл. 67 об.—68.

<sup>11</sup> Писцовая книга по Пскову и его пригородам. Сб. Моск. архива Министерства юстиции, т. 5. М., 1913, стр. 348, 349, 395, 409. (Далее: Сб. МАМЮ).

<sup>12</sup> Сб. МАМЮ, т. 5, стр. 324, 328.

<sup>13</sup> ЦГАДА, ф. 1144, кн. 7/5, лл. 47—49.

<sup>14</sup> Сб. МАМЮ, т. 5, стр. 368, 390, 392.

<sup>15</sup> ЦГАДА, ф. 1144, кн. 7/5, лл. 68 об.—70 об.

<sup>16</sup> Сб. МАМЮ, т. 5, стр. 145, 239, 242, 246, 254.

<sup>17</sup> ЦГАДА, ф. 1144, кн. 7/5, лл. 50—61.

<sup>18</sup> Сб. МАМЮ, т. 5, стр. 138, 145, 277.

<sup>19</sup> ЦГАДА, ф. 1144, кн. 7/5, лл. 10 об.—14.

Афанасьевич Еремеев<sup>20</sup> (предъявил 2 кабалы),<sup>21</sup> Федор Булгаков Неклюдов<sup>22</sup> (предъявил 5 кабал),<sup>23</sup> Михаил Иванович Ногин<sup>24</sup> (предъявил 1 кабалу),<sup>25</sup> жена Левонтия Андреевича Окунева<sup>26</sup> Овдотья Федоровна Окунева (предъявила 3 кабалы),<sup>27</sup> их сын Прокофий Левонтьевич Окунев<sup>28</sup> (предъявил 1 кабалу),<sup>29</sup> Петр Иванович Симановский<sup>30</sup> (предъявил 7 кабал),<sup>31</sup> Василий Степанович Тимашев<sup>32</sup> (предъявил 2 кабалы),<sup>33</sup> Иван Степанович Тимашев<sup>34</sup> (предъявил 2 кабалы),<sup>35</sup> Фома Андреевич Тимашев<sup>36</sup> (предъявил 3 кабалы),<sup>37</sup> Семен Васильевич Харламов<sup>38</sup> (предъявил 17 кабал),<sup>39</sup> Ждан Михайлович Хвостов<sup>40</sup> (предъявил 4 кабалы).<sup>41</sup>

Подводя итоги сопоставления одной из новгородских записных книг старых крепостей с писцовыми книгами, следует отметить, что поместья или их части 18 кабаловладельцев (из 36, предъявивших свои служилые кабалы) были описаны в исковской писцовой книге, не говоря уже о том, что 28 кабаловладельцев, как было отмечено выше, числятся помещиками в самой новгородской записной книге.

В других дошедших до нас новгородских записных книгах указания на социальную принадлежность кабаловладельцев хотя и содержатся, но не в столь большом количестве, как в уже рассмотренной. Возьмем, например, записную книгу Шелонской пятины.<sup>42</sup> Лишь о 14 кабаловладельцах из 46 такие данные имеются; впрочем и они весьма отрывочны. О 9 кабаловладель-

<sup>20</sup> Сб. МАМЮ, т. 5, стр. 145, 151, 240.

<sup>21</sup> ЦГАДА, ф. 1144, кн. 7/5, лл. 42—42 об.

<sup>22</sup> Сб. МАМЮ, т. 5, стр. 195.

<sup>23</sup> ЦГАДА, ф. 1144, кн. 7/5, лл. 15 об.—17.

<sup>24</sup> Сб. МАМЮ, т. 5, стр. 327.

<sup>25</sup> ЦГАДА, ф. 1144, кн. 7/5, л. 37—37 об.

<sup>26</sup> Сб. МАМЮ, т. 5, стр. 110, 140, 168, 171, 206—208.

<sup>27</sup> ЦГАДА, ф. 1144, кн. 7/5, лл. 7—8, 65—65 об.

<sup>28</sup> Сб. МАМЮ, т. 5, стр. 140, 145, 146, 168, 171, 207, 208.

<sup>29</sup> ЦГАДА, ф. 1144, кн. 7/5, л. 3. П. Л. Окунев занимал должность окладчика (см.: Десятия новиков, поверстанных в 1596 г. Изв. Русск. генеалогич. общ., вып. 3, 1909, стр. 200).

<sup>30</sup> Сб. МАМЮ, т. 5, стр. 172, 177, 240, 244.

<sup>31</sup> ЦГАДА, ф. 1144, кн. 7/5, лл. 26 об.—28 об.

<sup>32</sup> Сб. МАМЮ, т. 5, стр. 286; ср. стр. 246, 255, 291, 292.

<sup>33</sup> ЦГАДА, ф. 1144, кн. 7/5, лл. 9 об.—10.

<sup>34</sup> Сб. МАМЮ, т. 5, стр. 246, 255, 286, 291, 292.

<sup>35</sup> ЦГАДА, ф. 1144, кн. 7/5, л. 38—38 об.

<sup>36</sup> Сб. МАМЮ, т. 5, стр. 318, 323, 327, 381.

<sup>37</sup> ЦГАДА, ф. 1144, кн. 7/5, лл. 44 об.—45.

<sup>38</sup> Сб. МАМЮ, т. 5, стр. 202, 242, 286, 291, 427, 437.

<sup>39</sup> ЦГАДА, ф. 1144, кн. 7/5, лл. 29 об.—36.

<sup>40</sup> Сб. МАМЮ, т. 5, стр. 380, 381, 383, 386, 388.

<sup>41</sup> ЦГАДА, ф. 1144, кн. 7/5, лл. 71 об.—72 об.

<sup>42</sup> А. И. Копанев. Материалы по истории крестьянства конца XVI и первой половины XVII в. В кн.: Материалы и сообщения по фондам Отдела рукописей и редкой книги Библиотеки Академии наук СССР. М.—Л., 1966. (Далее: А. И. Копанев. Материалы).

цах говорится как о сыновьях боярских Шелонской пятины; о 2 — как о князьях, помещиках Шелонской пятины; кроме того, в книге зарегистрированы в качестве кабаловладельцев 2 попа и 1 новгородский стрелецкий сотник.

Учитывая отрывочность и малочисленность приведенных данных, становится тем более необходимо сопоставить данные записных книг с писцовыми книгами, чтобы выявить, как это было и на примере ранее рассмотренной книги, социальное лицо закабалителей. Такое сопоставление дает весьма существенные результаты. В новгородских писцовых книгах в качестве помещиков фигурируют следующие лица: князь Григорий Владимирович Белосельский<sup>43</sup> (предъявил 1 кабалу),<sup>44</sup> Филипп Олуферьев Головачев<sup>45</sup> (предъявил 1 кабалу),<sup>46</sup> Василий Третьяков Головин<sup>47</sup> (предъявил 1 кабалу),<sup>48</sup> Афанасий Андреевич Еремеев<sup>49</sup> (предъявил 8 кабал),<sup>50</sup> Ждан Косиццкий<sup>51</sup> (предъявил 2 кабалы),<sup>52</sup> Алексей Ильин Косиццкий<sup>53</sup> (предъявил 2 кабалы),<sup>54</sup> Путила Косиццкий<sup>55</sup> (предъявил 1 кабалу),<sup>56</sup> Иван Юрьевич Крюков<sup>57</sup> (предъявил 1 кабалу),<sup>58</sup> Федор Андреевич Култашов<sup>59</sup> (предъявил 1 кабалу),<sup>60</sup> Иван Никифорович Лихорев<sup>61</sup> (предъявил 11 кабал),<sup>62</sup> братья Михаил и Лука Ивановы дети Милославские<sup>63</sup> (предъявили 37 кабал),<sup>64</sup> Юмран Иванович Нарбе-

<sup>43</sup> ЦГАДА, ф. 1209 (Поместный приказ), кн. 967, л. 80 и сл.

<sup>44</sup> А. И. Копанев. Материалы, стр. 179—180.

<sup>45</sup> НПК, т. 5, 1905, стлб. 673, 674, 694, 695.

<sup>46</sup> А. И. Копанев. Материалы, стр. 163.

<sup>47</sup> НПК, т. 5, стлб. 559.

<sup>48</sup> А. И. Копанев. Материалы, стр. 186.

<sup>49</sup> НПК, т. 5, стлб. 501—502.

<sup>50</sup> А. И. Копанев. Материалы, стр. 161—162.

<sup>51</sup> НПК, т. 5, стлб. 627—628.

<sup>52</sup> А. И. Копанев. Материалы, стр. 180.

<sup>53</sup> ЦГАДА, ф. 1209, кн. 967, лл. 310 об. и сл.

<sup>54</sup> А. И. Копанев. Материалы, стр. 173.

<sup>55</sup> ЦГАДА, ф. 1209, кн. 967, л. 99.

<sup>56</sup> А. И. Копанев. Материалы, стр. 177.

<sup>57</sup> ЦГАДА, ф. 1209, кн. 967, л. 155 об.

<sup>58</sup> А. И. Копанев. Материалы, стр. 176—177.

<sup>59</sup> ЦГАДА, ф. 1209, кн. 967, л. 3 об.

<sup>60</sup> А. И. Копанев. Материалы, стр. 166—167.

<sup>61</sup> НПК, т. 5, стлб. 513—514; ЦГАДА, ф. 1209, кн. 957, л. 43 об.

<sup>62</sup> А. И. Копанев. Материалы, стр. 184—186.

<sup>63</sup> По писцовым книгам Михаил и Лука Милославские числятся в качестве владьчных детей боярских, имеющих двор в Новгороде, а Михаил Милославский и в качестве помещика (В. В. Майков. Книга писцовая по Новгороду Великому конца XVI в. СПб., 1911, стр. 99; см. также отдельную книгу по Новгороду в статье: М. А. Дьяконов. Заповедные и выходные лета. Изв. Петроградск. политехнич. инст., т. XXIV, 1915, стр. 16, прим. 17: «Отделен Михаилу Ивановичу сыну Милославскому... к старому его поместью ко сту шестидесяти к двум четям с осминою в его оклад в 500 чети и где сколько отделен и тому отдельные книги»).

<sup>64</sup> А. И. Копанев. Материалы, стр. 151—155.

ков<sup>65</sup> (предъявил 3 кабалы),<sup>66</sup> Андрей Иванович Нащокин (предъявил 2 кабалы<sup>67</sup> совместно с отцом Иваном Семеновичем Нащокиным),<sup>68</sup> Андрей Семенович Парский<sup>69</sup> (предъявил 1 кабалу),<sup>70</sup> Богдан Семенович Пустошкин<sup>71</sup> (его кабалу представляла Екатерина Пустошкина),<sup>72</sup> Игнатий Никитич Скобельцин<sup>73</sup> (предъявил 2 кабалы),<sup>74</sup> Макарий Девятков Скобельцин<sup>75</sup> (предъявил 6 кабал),<sup>76</sup> Федор Воронцов Туров<sup>77</sup> (предъявил 3 кабалы),<sup>78</sup> Семен Иванович Усков<sup>79</sup> (предъявил 1 кабалу).<sup>80</sup> Посник Якимов, названный в записной книге старых крепостей сыном боярским, предъявил 2 кабалы,<sup>81</sup> а по писцовой книге 1583—84 гг. он числится подьячим, имеющим нетяглый двор в Новгороде; в 1598 г. он уже губной староста.<sup>82</sup> Кроме того, одного кабаловладельца находим в десятне новиков, поверстанных в 1596 г., а еще двое нами причисляются к категории детей боярских, так как в той же десятне в составе новиков имеются брат одного из них и сын другого.<sup>83</sup>

Таким образом, из 46 кабаловладельцев, предъявивших служилые кабалы, 20 фигурируют в писцовых книгах в качестве помещиков. Всего же по данным писцовых, дозорных, записных книг и десяти новиков нами выявлено 29 помещиков и детей боярских, предъявивших принадлежавшие им служилые кабалы. При этом если учесть, что писцовые книги по Шелонской пятине за вторую половину XVI в. сохранились далеко не полностью, то долю помещиков и детей боярских в группе кабаловладельцев следует считать чрезвычайно высокой и даже подавляющей.

<sup>65</sup> ЦГАДА, ф. 1209, кн. 967, л. 240 об.

<sup>66</sup> А. И. Копанев. Материалы, стр. 175.

<sup>67</sup> Там же, стр. 166.

<sup>68</sup> НПК, т. 5, стлб. 671, 673, 676, 677.

<sup>69</sup> ЦГАДА, ф. 1209, кн. 957, лл. 456 об.—457.

<sup>70</sup> А. И. Копанев. Материалы, стр. 169.

<sup>71</sup> ЦГАДА, ф. 1209, кн. 957, л. 1071 об.

<sup>72</sup> А. И. Копанев. Материалы, стр. 164.

<sup>73</sup> ЦГАДА, ф. 1209, кн. 967, л. 167.

<sup>74</sup> А. И. Копанев. Материалы, стр. 173.

<sup>75</sup> ЦГАДА, ф. 1209, кн. 967, л. 348 об. и сл.

<sup>76</sup> А. И. Копанев. Материалы, стр. 168.

<sup>77</sup> ЦГАДА, ф. 1209, кн. 967, л. 274 об.

<sup>78</sup> А. И. Копанев. Материалы, стр. 164.

<sup>79</sup> НПК, т. 5, стлб. 643—644.

<sup>80</sup> А. И. Копанев. Материалы, стр. 169.

<sup>81</sup> Там же, стр. 163.

<sup>82</sup> В. В. Майков. Книга писцовая по Новгороду Великому..., стр. 100; А. И. Копанев. Материалы, стр. 158; Список новгородских губных старост, казацких и стрелецких голов и сотников, городских приказчиков, рассыльщиков и педельщиков XVI—XVII вв. В кн.: Н. Е. Посов. Очерки по истории местного управления Русского государства первой половины XVI в. М.—Л., 1957, стр. 356.

<sup>83</sup> Десятня новиков, поверстанных в 1596 г. Изв. Русск. генеалогич. общ., вып. 3, СПб., 1915, стр. 198—199.

Столь же высок процент детей боярских и помещиков среди кабаловладельцев и в другом отрывке записной книги по Шелонской пятине.<sup>84</sup> В этом отрывке перерегистрированы служилые кабалы 29 кабаловладельцев, из коих 1 являлся попом. Из остальных 28 кабаловладельцев, социальную принадлежность которых определить по записной книге невозможно, помещиками или детьми боярскими оказались, согласно проведенной нами проверке по писцовым книгам и десятиям, 24 кабаловладельца.

В дополнение к этим данным следует указать, что и А. И. Яковлев, пытавшийся привлечь писцовые книги для установления социальной принадлежности тех кабаловладельцев, которые регистрировали свои кабалы, но только не в записных, а в кабалных книгах, указывал, правда в весьма осторожной форме и не вдаваясь в подробности, что «среди лиц, встречаемых нами в писцовых книгах, мы найдем фамильные имена... крупных закабалителей, преимущественно голодных годов». Обращаясь же «к Дворцовым разрядам XVII в., мы найдем вероятных потомков или родичей тех же закабалителей уже в качестве лиц, числящихся по Московскому списку».<sup>85</sup>

Итак, извлеченные из записных и кабалных книг материалы, а также некоторые данные, приведенные А. И. Яковлевым в связи с анализом им кабалных книг, позволяют утверждать, что подавляющее большинство кабаловладельцев из Новгорода, новгородских пятин и Пскова являлись дворянами, детьми боярскими, помещиками.<sup>86</sup> С другой стороны, у нас нет фактов, дающих основание полагать, что именно все помещики владели кабалными холопами, хотя, возможно, процент кабаловладельцев среди них был весьма велик. В этом отношении представляет интерес сопоставление десятиги жалованных поместным окладом детей боярских-повиков, поверстанных в 1596 г., с записными и кабалными книгами на предмет выявления количества и процента кабаловладельцев среди детей боярских-повиков (см. таблицу).

Оценивая приведенную таблицу, следует иметь в виду неполноту комплекта кабалных книг, из которых можно извлечь

<sup>84</sup> Акты, записанные в крепостной книге XVI века. Сообщены А. Б. Лакиером. Предисл. ред. [И. Калачова]. Архив историко-юридических сведений, относящихся до России, издаваемый Николаем Калачовым, книги второй половина первая, М., 1855. (Далее: Книга Лакиера).

<sup>85</sup> А. И. Яковлев. Холопство и холопы в Московском государстве XVII в., стр. 80.

<sup>86</sup> В. И. Шунков в рецензии на издание новгородских кабалных книг приводит интересную выдержку из письма воеводы Тотьмы Меньшого Владимирова Головачева в Устюжскую четверть 1630 г.: «Тотьме в съезжей избе записных холопных книг и пошлинных денег прошлых нет, потому что на Тотьме дворян и детей боярских и никаких служилых людей нет, и кабалным людям быть не у кого, холопных записных книг не заведено. А которые люди работают у посацких людей, и те люди дают на себя в житье записи на урочные года» (Историк-марксист, кн. 2, 1939).



Количество кабаловладельцев среди детей боярских-новиков новгородских пятин\*

Величина поместного оклада (в четвертях)	Бежецкая пятина			Деревская пятина			Шелонская пятина		
	количество новиков	из них кабаловладельцев		количество новиков	из них кабаловладельцев		количество новиков	из них кабаловладельцев	
		количество	%		количество	%		количество	%
300	7	6	86	10	5	50	6	3	50
250	10	5	50	17	6	35	8	4	50
200	26	11	42	19	9	47	8	3	37
150	35	11	31	20	4	20	4	1	25
100	21	5	24	12	3	27	7	2	28

\* Таблица составлена по следующим материалам: Десяти новиков, поверстанных в 1596 г. Изв. Русск. генеалогич. общ., вып. 3, 1915, стр. 187—199; Новгородская записная кабальная книга 100—104 и 111 годов. М.—Л., 1938, ч. I; Книга Лакиера; А. И. Копанев. Материалы.

сведения о кабаловладельцах. Так, например, согласно данным А. И. Яковлева, кабальные книги по Бежецкой пятине дошли до нас в большем количестве, чем по другим пятинам (сохранилось 26% кабальных книг).<sup>87</sup> Если учесть при этом, что всего по Бежецкой пятине среди новиков оказалось 38% только лишь выявленных кабаловладельцев, то не будет преувеличением предположить, что в действительности намного больше новиков данной пятинны владели кабальными людьми.

Любопытно, что материал для выявления кабаловладельцев среди новиков в основном дают кабальные книги, относящиеся к периоду после 1596 г. (т. е. после составления десяти). Очевидно, дети боярские, налаживая хозяйство в своих новых поместьях, привлекали для этого среди других категорий зависимого населения также и кабальных холопов.

В таблице обращает на себя внимание зависимость количества кабаловладельцев среди новиков от величины получаемого ими поместного оклада. Несмотря на известную неоднородность показаний по отдельным пятинам, едва ли оспоримой представляется общая тенденция, вскрываемая таблицей: количество владельцев кабальных людей среди новиков неуклонно падает вместе с падением величины поместного оклада. Не отражает ли эта тенденция общее положение в конце XVI в., заключающееся в том, что среди крупных помещиков процент кабаловладельцев был большим, чем среди мелких? Дело здесь было, очевидно, не только в неоднородности материальных возможностей круп-

<sup>87</sup> Новгородская записная кабальная книга 100—104 и 111 годов. М.—Л., 1938, стр. VIII, XIII.

ных и мелких служилых землевладельцев на кабальном рынке, но и в различных хозяйственных потребностях их поместий.

Впрочем, как бы ни оценивать данные этой таблицы, остается несомненным общий вывод, основанный на материалах новгородского происхождения, о том, что именно служилые землевладельцы — дети боярские, дворяне-помещики были заинтересованы в росте и развитии кабальной формы зависимости. Вместе с тем становится вполне понятным, почему вторая половина XVI в. являлась периодом резкого увеличения количественной и социальной значимости кабального холопства, выразившегося не только в росте количественных показателей, но и в том внимании, какое стало ему уделять законодательство (особенно уложение 1597 г. о холопстве). Это следует поставить в связь с тем, что вторая половина XVI в. была периодом значительных успехов поместного землевладения в сфере экономической и дворян-помещиков в сфере политической.